

Иван Толстой

Русская мысль. 1995 - Париж - 31 авг - с. 10.

Найдены письма Дантеса

Больше 150 лет в России переживают национальную трагедию — гибель Пушкина, — и это сопровождается желанием проникнуть в тайну личности Дантеса. На нашей, так сказать, стороне — Пушкин с академическим собранием сочинений за плечами, а за вторым участником дуэли — ровным счетом ничего. Конечно, эта дантесова тайна придает необычайный романтический налет всей истории, однако любое слово Дантеса было бы выслушано нами с величайшим вниманием.

И вот произошло то, во что не верилось: письма Жоржа Дантеса нашлись, и не одно-два, а целых 25, вот они, еще нигде по-русски не опубликованные, еще никем толком не прочитанные, еще тающие в себе те сотни будущих работ, которые о них напишут.

Мы предлагаем сегодня сенсационный материал — собственно-ручные письма дуэлянта-победителя.

К чему лукавить: для многих главным вопросом русской литературы остается все тот же: изменила ли Наталья Николаевна мужу или нет? И, признаться, будь на этот вопрос четкий ответ, гигантская пушкиниана утратила бы для многих главную часть своей привлекательности.

Преддзвонная история обрела в XX веке статус самостоятельной пушкиноведческой дисциплины: есть текстологи, есть комментаторы, есть биографы, а среди биографов — особая каста дуэлистов. Каста элитарная и одновременно народная. Пушкинисты, проникающие в святая святых. Их имена известны даже тем, кому уже ничего не известно. Павел Шеголев, Анна Ахматова, Стелла Абрамович.

Именно у Стеллы Абрамович в ее исследовании последнего года Пушкина высказана заветная мечта всех читателей: если бы нашлись недостающие документы... если бы нашлись... у величайшей национальной трагедии почти не осталось бы белых пятен.

И вот они только что обнаружены — 23 письма Дантеса Геккерену. Где только их не искали! Куда только ни посылали свои запросы! Все безрезультатно. Но вот к группе дуэлистов присоединилась итальянская славистка профессор Серена Витале. Воспользовавшись теми возможностями, которых советско-российский исследователь изначально лишен, — Серена Витале со своим западным паспортом объездила всю Европу, познакомилась с десятками владельцев частных архивов, опять-таки используя западное преимущество — знание иностранных языков. Это позволило исследовательнице прочитать больше двух тысяч переписок 1830-х годов — частных и дипломатических, — и ее труд был вознагражден: она нашла то, что искала. Дадим слово самой Серене Витале.

«Когда я принималась за книгу, мне казалось, что собрать материалы будет легко: ведь классик, ведь Пушкин, все уже было написано; нужно будет только собрать, организовать, переработать всю огромную литературу по этой теме.

Это была трагическая и роковая ошибка: я думала, что XIX век — счастливый остров, без пробелов и цензуры, только частично разрезанный червями идеологии. Я поняла, что тысячи предвзвешенных извратили истину, начиная с идеологических — советских и царских.

Россия — единственная страна, которая не прекращает скорбеть по своим поэтам. Я часто думаю: если бы Леопарди, например, убили на дуэли — было бы несколько академических трудов, но в народе настоящей скорби не было бы, уверяю вас как итальянка. Только в России — убийство поэта равно Богоубийству.

Годы я провела за чтением и работой, всякий раз приходя в негодование, обнаруживая, что новое поколение пушкинистов очень часто не знает французского языка, хотя он был вторым (да, пожалуй, и первым) языком пушкинской эпохи. Я, конечно, знала, что все это (например, незнание французского) не по их вине и что это тоже было следствием тупого и варварского режима. Но мне не удавалось победить досаду. Особенно когда русские друзья и коллеги, которых я просила о помощи, говорили:

— Ну зачем писать об этом? Здесь у

нас все уже написано, все документы найдены и откопаны.

Я много раз чувствовала, что надо мной издеваются, что ко мне относятся как к «фирменной бабе» — так меня однажды назвали в Ленинграде, — которую от нечего делать обуяла охота сунуть свой нос в наше, недоступное простым смертным, нерусским. И мне пришлось выходить из этой скрученности мессианства и бескультурья, приблизительности и боли, невозможности и лени. Пришлось выходить самой.

Серена Витале тщательно изучила пушкинскую эпоху, объездила половину архивов Европы, прочитала две тысячи частных и дипломатических переписок тех лет и только после этого решила написать барону Клоду де Геккерену, прямому потомку Дантеса.

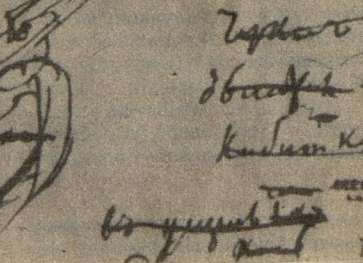
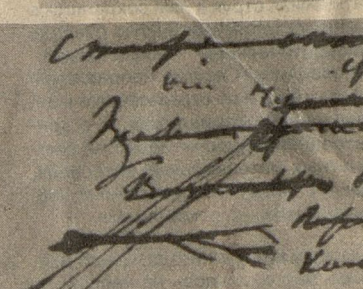

Дуэльные пистолеты — излюбленная тема рисунков Пушкина последних лет.

сительно дат, но это мне не удавалось: слишком сильно было волнение.

И особенно я чувствовала на себе огромную ответственность. Я думала о настоящих, серьезных русских ученых, которые работали до меня и у которых не было никогда возможности приехать на Запад. Я думала об Анне Андреевне Ахматовой, которая должна была основываться на двух небольших отрывках из писем Дантеса, опубликованных в 1946 году с ошибками Ари Труайя. Год мне понадобился, чтобы разобрать почерк Дантеса и его родственников, переписать и датировать документы.

В архивах Европы мне помогали частные лица, которые даже сегодня свидетельствуют о том, что дворянство — эта старинная каста духа, которой так гордился Пушкин, является

«Он, — продолжает Серена Витале, — принял меня очень гостеприимно, но к семейному архиву подпускать не хотел.

— Слишком много неточностей и неблизости, — сказал он, — было написано об этой истории. Я сам ею занимался.

Я убедил его в том, что моей целью была только правда, какой бы она ни была. И в один из июньских дней 1989 года барон Клод де Геккерен долго, пристально на меня посмотрел, как бы пытаясь до конца убедиться в моих благих намерениях, и сказал:

— Идемте, я вам кое-что покажу.

Он снял с антресолей старый серый чемодан, из которого весьма беспорядочно вываливались самые разные документы. Среди них были письма, написанные Жоржем Дантесом своему приемному отцу Якобу фон Геккерену, когда тот год путешествовал по Европе (с осени 1835-го до осени 1836-го).

Были там и другие ценнейшие документы. У меня не было времени прочитать все это там — я и так была в слишком гостеприимном доме, и, разумеется, Клод де Геккерен не хотел, чтобы документы покинули стены дома: достаточно одного неосторожного жеста при ксерокопировании, и драгоценные листы могут быть повреждены.

Мне пришлось попросить денег у моего издателя и купить переносную копировальную машину, ужасно тяжелую — я до сих пор вспоминаю с ужасом, — и дрожащими руками снимать копии со старинных листов. Я копировала все подряд, сама не зная, о чем идет речь. Возвращаясь домой, я пыталась упорядочить материал, сделать первые предположения отно-

бедить то, что ему действительно хочется победить.

И Бог мне свидетель, что при получении твоего письма я уже принял решение пожертвовать этой женщиной ради тебя. Решение мое было великим, но и письмо было добрым, в нем столько было истин и столь нежная дружба, что я ни минуты не колебался. И с той же минуты я изменил свое поведение с ней. Я избегал встреч с ней столь же старательно, как до этого их искал. Я говорил с нею с таким безразличием, на какое только был способен. Но, полагаю, что не выучи наизусть я того, что ты написал, мне не достало бы мужества. На сей раз, слава Богу, я победил себя, и от той безудержной страсти, о которой рассказывал тебе во всех письмах, пожирившей меня шесть месяцев, у меня остались лишь преклонение и спокойное обожание существа, заставившее так сильно биться мое сердце (...)

Вот я и просил укрепить меня своими советами, зная заранее, что это будет единственным средством одержать верх над чувством, которому я попустительствовал и которое не могло дать мне счастья.

Ты был не менее суров, говоря о ней, когда написал, что до меня она хотела принести свою честь в жертву другому, но, видишь ли, это невозможно. Верю, что были мужчины, терпевшие из-за нее голову. Она достаточно прелестна для этого, но чтобы она их слушала — нет. Она ведь никогда не любила более меня, и в последнее время было достаточно случаев, когда она могла все мне отдать, — и что же, мой дорогой друг? Никогда, ничего. Никогда в жизни. Она была намного сильнее меня, она больше двадцати раз просила сжаться над ней и детьми, пожалеть ее будущность, и была столь прекрасна в эти минуты (а какая женщина не была бы

такой?), что желая она, чтобы от нее отказались, она вела бы себя иначе, ибо, как я уже говорил, она была так прекрасна, что можно было бы принять ее за ангела, сошедшего с небес. В мире не могло бы найтись мужчины, который не уступил бы ей в эту минуту, так велико было уважение, которое она внушала, так что она осталась чиста, она может шествовать в свете с высоко поднятой головой. Нет другой женщины, которая

Наталья Николаевна Гончарова. Рисунок А.С.Пушкина.

повела бы себя так же. Конечно, есть такие, у которых чаще на устах слова о добродетели и долге, но с большей добродетелью в душе — ни одной.

Еще одна необычная вещь: пока я не получил твоего письма, никто в свете даже не произносил при мне ее имени. Едва твое письмо пришло, словно в подтверждение твоим предсказаниям, в тот же вечер еду я на бал при дворе, и великий князь-наследник шутит со мной о ней, отчего я сразу заключил, что в свете также должны были прохаживаться на мой счет. Но о ней, убежден, никто никогда и не подозревал. И я слишком ее люблю, чтобы захотеть скомпрометировать.

И как я уже говорил — все позади, и надеюсь, когда ты приедешь, найдешь меня радикально выздоровевшим.

Прага

Окончание следует.

150